

Образ москаля в пьесе Г. Квитки-Основьяненко «Сватання на Гончарівці»

ВИКТОРИЯ ЛЕБОВИЧ

LEBOVICS Viktória, ELTE BTK Keleti Szláv és Balti Tanszék, Budapest, Pf. 107, H-1364

Abstract: Comparison of the Ukrainians and Russians, comparison of their scale of values is one of the main motives, which comes up again and again in the Ukrainian literary pieces of 19th century. Comparison of two nations reflects the extremely complicated historical, political and economical situation of their coexistence and is made on political, economical, national, cultural, psychological and linguistical levels. Sly Moscal is usually depicted from the point of view of disposed and decent Ukrainian peasant, who is compelled to struggle for his history, tradition, culture and language, compelled to prove sovereignty of the Ukrainian nation. Moscal in G. Kvitka-Osnovjanenko's comedy "Svatannja na Gončarivcy" is represented, on one hand, in general, and, on the other hand, in the character of Osip Skorik, the discharged soldier.

Григорий Федорович Квитка-Основьяненко (1778–1843), первый прозаик новой украинской литературы, родился в 1778 г. в селе Основа под Харьковом. Писать начал поздно, в 35 пять лет, а на украинском языке — лишь в возрасте 55 лет.

Сюжет малороссийской оперы «Сватання на Гончарівці», основанной на семейно-бытовом конфликте, который идет от «Наталки Полтавки» И. Котляревского, прост.

Одарка и ее муж-пьяница Прокип хотят выдать дочь замуж за богатого дурня Стецька. А любит Уляна крепостного Алексея. Хитрый москаль Осип Скорик, которого пригласили быть старостой на сватанье, он же — родной дядя Алексея по матери, поворачивает дело так, что все кончается хорошо.

В пьесе «Сватання на Гончарівці», как почти во всех произведениях Г. Квитки, встречаются отдельные обобщенные замечания о москалях, а также более детально разработанные мотивы, которые служат с одной стороны сравнению, а с другой — противопоставлению москалей и малороссов. Сопоставление и противопоставление москалей и малороссов является типичным элементом украинских художественных произведений дошевченковского периода. Причины этого следует искать в истории, общественно-политической обстановке эпохи, а также интенсивном развитии национального самосознания, усиливающегося в период развития капиталистических отношений.

Постой

К категории обобщенных замечаний о москалях можно отнести оценку малороссами ситуации, когда в село приходят солдаты на постой.

Павло Кандзюба приходит к Прокипу и Одарке просить руки Уляны для сына. Одарка ведет с ним светскую беседу и спрашивает, как поживают его родственники, живущие за Харьковом:

Кандзюба. Та вже нашим за-харківцям така прийшла біда, що й сказати не можна. Одарка. А що там за біда? Кандзюба. Там таких салдатів найшло, що й сказати не можна! Таки що вулиця, то й салдат на квартирі. Видимо-невидимо! Аж тридцятєро їх, кажуть, прийшло. Така біда! (11)¹.

О том, что москали на постое в украинском селе — это для малороссов беда свидетельствуют частые упоминания данной проблематики в произведениях новой украинской литературы. В бурлестно-трагической поэме И. Котляревского «Енеїда» первое упоминание о москале встречается в произведении после описания праздного времяпровождения Энея и троянцев у Дидоны в Карфагене:

Отак Еней жив у Дідони,
Забув і в Рим щоб мандровать.
Тут не боявся і Юнони,
Пустився все бенкетовать;
Дідону мав він мов за жінку,
Убивши добру в неї грінку,
Мутив, як на селі москаль!
(Котляревський 1969: 51).

Выражение «убити грінку» в предпоследней строке имеет значение «выиграть на чем-то, поживиться за чей-то счет». Вот Эней и живет за счет Дидоны, «злоупотребляет» ее гостеприимством, пьет, ест и гуляет, совсем так, как это делают москали в украинских селах. Ссылка на такое поведение может быть использована даже в форме сравнения.

В начале пьесы «Сватання на Гончарівці» Одарка упрекает Прокипа в том, что у того одно пьянство на уме. Она ругает мужа за то, что он, напившись, не смог вернуться домой; свалился на Холодной горе и проспал там всю ночь. Одарка замечает: «Ще то навдивовижу, як тебе москалі не обідрали» (9). Удивительным считается то, что москали Прокипа не обокрали, а общеизвестным, само собой разумеющимся то, что москали всегда стараются поживиться за чужой счет. Это звучит и в песне-самопредставлении Осипа Скорика, которую отставной солдат поет при первом своем появлении на сцене:

¹ Тут и далее цитаты из произведения приводятся на основе издания: *Квітка-Основ'яненко Г. Ф. Зібрання творів у семи томах. Т. 2. Київ 1979. В скобках дається номер сторінки.*

Лиш умей за дело взятся,
Можно всюди поживляться;
В поле бий, коли, руби, —
Дома денежки бери.

Подпускай девчатам ляси,
Старим бабам баянтраси;
Сам же в оба лиш смотри,
Да з них денежки бери.

В светі много чудаков;
Ох! і не без дураков;
Только ім не говори,
Молча деньги з них бери.
Не один на светі я —
Лекар, купчик і судья
Правдой в светі не живьот
І, где можно, знай берьот (28–29).

Солдаты, служащие царской армии, будучи представителями государственной власти, пользовались разными привилегиями. Москаль-постояльцы в селах у мужиков-украинцев были само собой разумеющимся явлением. Именно это давало возможность И. Котляревскому написать, что Эней «*Мутив, як на селі москаль!*» (Котляревський 1969: 51). Украинцы должны были приютить, бесплатно кормить и поить москалей.

Это выясняется из малороссийской оперы И. Котляревского «Москаль-чарівник», в которой солдат Лихой входит в избу к малороссам со следующими словами: «*Здрастуй, хозяин! Я твой постоялец*», — констатирует он и тут же требует: «*Давай угол, да на ужин курьцу, да нет ли и лавреников?*» (Котляревський 1969: 293).

В лучшей басне П. Гулака-Артемовского «Пан та собака», которая сразу ввела «молодого писателя в круг лучших сатириков своего времени» (Єфремов 1995: 324), москаль «хозяйничают» в малороссийском селе совсем как у себя дома.

Главный герой басни пес Рябко, верно служит своему господину: всю ночь без усталости лаёт и стережет имущество своего господина:

А наш Рябко, кажу, все спатки не вкладався.
Знай, неборак, ганя то в той, то в сей куток:
То зазирне в курник, то дейко до свинок,
Спита, чи всі таки живенькі поросятка,
То звідтіть навпростець
Махає до овець,
До клуні, до стіжків, до стайні, до обори;
То знов назад чимдуж, - щоб часом москалі
(А їх тогді було до хріна на селі),
Щоб москалі, мовляв, не вбрались до комори.
(Гулак-Артемовський 1978: 24–25)

Объяснением старательности пса является стремление уберечь собственность хазяина-украинца от москалей. Фраза, данная в скобках, свидетельствует о том, что в село прибыли на постой москали, причем, как это уточняется грубо-просторечным «до хріна», в большом количестве. Предполагается, что они ночью могут забраться в кладовую и ограбить хазяина Рябка. Следующая ночь доказывает, что Рябко в своем предположении не ошибся:

Заснув Рябко, захріп, аж ожеред трясеться.
Рябку й не сниться, не верзеться,
Що вже москалики в коморі й на дворі —
Скрізь нипорять, мов тут вони й господарі,
Що вовк ягнят, а тхір курчаток убирає»
(Гулак-Артемівський 1978: 27).

Мысль о том, что москалей надо бояться, так как они ведут себя как разбойники, все забирают с собой, часто встречается в литературе. И не только в украинской литературе.

Ярослав Гашек в похождениях бравого солдата Швейка приводит очень голодного кадета Биглера и Швейка в деревню. И тут мысль о том, что «ничего нет, потому что москали все забрали» доводится до абсурда:

Между тем они подошли к деревне. [...] Отворила какая-то старуха, которая, увидев солдат, в ужасе принялась кричать: «Ничего нема, пан, ничего! Москали забрали!» — «Москали давно были?» — осторожно спросил кадет. «Недавно, — заголосила баба, — утром были, потом назад пошли». — «А сортир есть?» — «Нема, пан, нема, москали забрали!» (Лада 1962: 245).

«В москали!»

В пьесе Г. Квитки-Основьяненко «Сватання на Гончарівці» встречается, правда лишь на уровне упоминания, мысль о наборе солдат в царскую армию. Москаль в украинских произведениях — это в первую очередь именно солдат царской армии, несмотря на то, что иногда москаль — это просто русский человек, противопоставляемый малороссам, или даже «обрусевший, омоскалившийся» украинец, которого малороссы всегда полностью отождествляют с настоящими москалями.

Рекрутирование солдат в царскую армию — это беда, страшное наказание, равнозначное смерти. Причем не только молодой парень, которому «оголили чуба» т.е. обрили голову, идет на верную гибель в бою или умирает в страшных армейских условиях. На гибель обречена вся семья взятого в москали малоросса: родители остаются на старости лет без сильных рабочих рук и заботы ребенка; а если парень уже женат — пропадут и жена, и дети.

В первом прозаическом произведении новой украинской литературы, повести «Маруся» Г. Квитка-Основьяненко устами отца Маруси формулирует общеизвестные истины. Наум, отказываясь выдать дочь замуж за Василя, объясняет:

Ти сирота; у дядьків твоїх по два, по три сини; і ти з ними у одній сказці. [Сказка-список, составляемый во время ревизий в России в XVIII–XIX столетиях, тех людей, которых облагают подушным налогом, на которых возлагается рекрутская повинность. — В. Л.] Сказка ваша дев'ятидушна, дядькові хлопці малі; а як прийде набор, то певно тобі лоб забриють, бо ти сирота, за тебе нікому заступитись; і дядьки скажуть: «Ми тебе поїли, зодягали і до розуму довели, служи за нашу чергу». А що тоді буде з Марусею? Ні жінка, ні удова; звісно як салдаток шанують: як саму послідню паплюгу, і ніхто і не вірить, щоб була салдатка, та й чесна. [...] Худобу розтаскають, повіднімають, хто її захищить? Діточки без доглядання, у бідності, у нищеті, без науки, без усього помруть або — не дай боже! — бездільниками стануть. А вона затим ізстаріється, немощі одоліють, бідність, каліцтво... тільки що в шпиталь, до старців! [...] Не приведи, господи, і ворогу нашому такої судьби!..» (Квітка-Основ'яненко 1981: 55–56).

Итак, жену москаля ждет бесчестье, а детей — бродяжничество и нищета, из чего следует вывод: «Не приведи господь такой судьбы и врагу нашему!»

Много примеров можно привести из художественных произведений на то, что простых украинцев силой отдавали в москаля, это было распространенной формой наказания недовольных своей судьбой крестьян. Вот два из них.

В произведении Марка Вовчка «Институтка» крестьянин Прокип, защищая старушку и свою жену от побоев жестокой панночки, крепко схватил ее за обе руки. На визг, плач и крики институтки прибежал ее муж, и сразу же был вынесен приговор:

— Е, бачу, — каже пан, — тобі тут місця мало. Постой же: розбишатимешся у москалях — скільки хочя!

Пані аж верещить:

— У москалі його, у москалі!.. Тепер і прийом у городі; зараз і вези його! (Марко Вовчок 1964: 155).

В повести И. Нечуй-Левицкого «Микола Джеря» пан, решив от-дать бунтаря Миколу в москаля, грозит парню:

То ти смієшь мені цвікати в вічі? То ти смієшь мені підбивати народ? Та я зараз дам знати становому й накличу повне село москалів. Я вас поб'ю московськими руками й оддам усіх бунтарів-хазяїв у москалі! Я вас на Сибір запотворю! (Нечуй-Левицкий 1977: 131).

Отсюда следует, что мало что может быть хуже такого наказания. Именно в этом ракурсе рассматривается и явление добровольного ухода в москаля. У порядочного украинца причин на это быть не может. В «Наталке Полтавке» И. Котляревского Выборный, получив от Возного поручение посватать за него Наталку, разговаривая с матерью девушки, ругает ее возлюбленного Петра:

І Наталка так обезглузділа, що любить запропастившогося Петра? І Наталка, кажеш ти, добра дівчина, коли бачить рідну свою при старості, в убожестві, всякий час з заплаканими очима і туж-туж умираючи од голодної смерті, — не жжалиться над матір'ю? А ради кого? Ради пройдисвіта, ланця, що, може, де в острозі сидить, може, умер або в москалі завербовався!.. (Котляревський 1969: 265).

Петро, которого отец Наталки, сначала взял к себе за «наймита», а потом прогнал, искренне полюбив Наталку, пошел зарабатывать деньги, с тем, чтобы как можно скорее вернуться к своей любимой и зажить с ней счастливо. Где Петро в данный момент — никто не знает. Это дает основание Выборному назвать его проходимцем, жуликом, авантюристом и лентяем, который может быть сидит в тюрьме, может быть умер, а может быть даже в москалях завербовался! Если исходить из градации возможностей, постигших Петра, получается, что плохо, когда кого-то лишают свободы из-за совершения преступления, хуже если человека уже нет в живых, но самое плохое, что может постигнуть порядочного украинца — это добровольно пойти в москаля!

Детальной иллюстрацией этой мысли является характеристика наемщика в повести Г. Квитки-Основьяненко «Козир-дівка». Главная героиня произведения Ивга, стремясь освободить своего возлюбленного, проходит «по всем мытарствам социально-государственного ада» (Єфремов 1995: 335) и в губернском городе встречает наемщика:

...найнявсь у некрути, так сьогодні гуляє, і що задумав, усе робить і за усе платить, бо взяв грошей багацько; завтра ж йому лоб забриють, так поспіша сьогодні нагулятися, щоб було чим волю спом'янути (Квітка-Основ'яненко 1981: 248).

И в нем узнает брата. Положение Тимохи действительно безвыходное: сначала он украл деньги отца и содействовал тому, что в этом обвинили возлюбленного Ивги, потом деньги растранижил, нанялся в солдаты за триста пятьдесят рублей и из них сто пятьдесят уже пропил.

На основании вышесказанного становится понятным, почему в пьесе Г. Квитки-Основьяненко «Сватання на Гончарівці» Алексей упрасывая Одарку не выдавать дочь Уляну замуж за другого, в отчаянии говорит:

Згляньтесь на бога, не занастіть моєї душі: кажу вам, що вмру або у салдати піду, коли її рішусь (39).

«Девушка-покрытка»

Встречается в произведении и распространенный в украинской литературе XIX в. мотив искушения простой девушки паном-ловеласом. Уляна купила себе на базаре большой модный платок с цветами. Девушка рассказывает матери, как все ее расхваливали и говорили, что платок ей к лицу:

А тут де узавсь пан, та таки справжній пан; тут хрест (указывая на грудь), а тут кавалерія (указывая на шею), та й каже: «от славная девушка! Пристало, пристало. Вот красавица!» (16).

Настоящий пан, естественно, говорит по-русски. Одарка предупреждает дочь: панам — «письменным» — верить нельзя, они брешут и насмеваются над простой украинской девушкой. Неискушенная Уляна,

считающая себя лучше других и желающая выйти замуж лучше других, т.е. за благородного и богатого, впрочем как и многие другие девушки в украинских художественных произведениях, не верит опыту старших:

Будто б то пани і брешуть? Вони сього не вміють і над дівкою не будуть гнушаться. Вони письменні (16).

Однако сомнения Уляны возникают лишь в данной конкретной ситуации: похвала пана льстит девушке, вот она и верит ему. О том, что и Уляна отлично знает, чем кончаются подобного рода истории, свидетельствует следующий диалог с Алексием, находящемся в отчаянии из-за того, что девушку хотят отдать за другого:

Що то якби я паном був, тоді б своя воля: украв би тебе по-панськи та й оженився б. Уляна. А опісля і покинув би мене, як пани роблять? (39).

Форма множественного числа и сравнение придают реплике обобщающее значение. Теме увезенной обманом, обещанной и покинутой паном девушки в творчестве Г. Квитки-Основьяненко посвящено произведение «Сердешна Оксана».

Т. Шевченко во многих своих произведениях, особенно в период раннего творчества с 1837 по 1843 год, обращается к теме девушки «покрытки». Гордостью девушки, символом девичьей чести в Украине были длинные косы. С непокрытой головой ходили только девушки, замужние женщины на это не имели права. Свадебные обряды Украины всегда были связаны с отрезанием девичьей косы, за чем следовало покрытие головы платком. Большим позором считалась потеря девичьей чести. Обещанная девушка ставала «покрыткой», т.е. была обязана покрыть голову. В балладе «Катерина», одной из лучших своих романтических произведений раннего периода, Т. Шевченко с болью предупреждал:

Кохайтеся, чорнобриві,
Та не з москалями,
Бо москалі – чужі люде,
Роблять лихо з вами.
Москаль любить жартуючи,
Жартуючи кине;
Піде в свою Московщину,
А дівчина гине...

(Шевченко 1986: 17).

Обман

Более полно в произведении «Сватання на Гончарівці» представлен мотив обмана малороссов москалями.

Также как и в рассказе Г. Квитки-Основьяненко «Салдацький патрет» мотив обмана связан с шинком, т.е. украинским кабаком и потреблением малороссами спиртных напитков. Многие путешественники, странствующие по Украине, характеризуют украинцев, хвалят их,

но в качестве отрицательной характеристики отмечают и любовь выпить. Так, например, атташе французского посольства в Петербурге, Жан Бенуа Шерер, в своей работе по истории казачества, вышедшей с свет в Париже в 1788 г., пишет: «Украинцы — рослые, сильные люди, приветливы и гостеприимны, никогда никому не навязываются, но и не переносят ограничения своей личной свободы. Бдительные, смелые и честные, но — немного имеют склонность к пьянству...» (см.: Січинський 1992: 169).

Эта черта отражена в образе Прокипа Шкурата. В ответ на постоянные упреки Одарки и вопрос, зачем он пьет, Прокип объясняет:

Та нащо і горілку вигадали, коли її не пити? Якби її не було на світі, то я б і не пив (9).

Противопоставление малороссийского шинка и москальского кабака в рассказе «Салдацкий патрет» осуществляется на языковом уровне в форме отказа от украинского слова в пользу русского. В Липцах, где развелось слишком много кабаков «... на московський лад; і вже в них не шинок зоветься, а кабак...» (Квітка-Основ'яненко 1981: 9). И в этом кабаке:

А як тільки нашого братчика [...] обдурюють, так ну, ну, ну! Отсе коли прийшов з посудиною, щоб купити до хазяйства на скільки треба горілки, то хоч трохи заслухайся або задивись, то й не долле повної міри, [...] і вже хоч спор, хоч лайся, а він тебе випровадить геть. Коли ж тут хочеш випити, то буцімто й добрий: за гривню зачерпне із діжки таки повнісіньку; тут станеш уси розгладжувати, та втираєшся, та поцмокаєш хорошенько і збираєшся як то гарненько натошача вип'єш, та тільки що руку підняв, і ще і до рота не доніс, як, урагова його мати зна, де те москальча у гаспида озьметься ... Підбіжить, підтовкне — плюсть! — більша половина назад у діжку! (Квітка-Основ'яненко 1981: 9–10).

К этому остроумно описанному методу обмана, отработанному до мельчайших подробностей в пьесе «Сватання на Гончарівці» добавляется проблематика качества. Для Прокипа самое главное, что горилка у шинкаря неразбавлена. А вот в кабак он не пойдет:

Шинкар дуже до мене добрий, хоч опівночі прийду, то й відчиня; та такі і горілка не розведена. Вже пак до кабатчиків не піду (9).

Эта мысль в более эксплицитной форме повторяется в конце произведения:

Про кі п. Будьте ж здорові! (Выпивает поспешно.) А!.. кабацька!.. розведена! Щоб то на вольній узяти! (58).

(«Вольна» — разновидность шинков в Слободской Украине, распространенных в начале XIX в., которые находились за пределами города и имели право продавать спиртные напитки без уплаты оброчной пошлины, т.е. горилка у них была дешевле, чем в русских кабаках).

Дальнейшие аспекты мотива обмана будут рассмотрены позже, при разборе образа отставного солдата Осипа Скорика.

Страх

Мотив страха малороссов перед москалями, детально разработанный в «латинской побрехеньке, по-нашему рассказанной» «Салдацкий патрет» Г. Квитки и малороссийской опере И. Котляревского «Москаль-чарівник», в пьесе «Сватання на Гончарівці» упоминается в двух местах.

Первый раз, когда Уляна упрашивает Скорика помочь им с Алексием. В ее песне звучат слова:

Не дай мені пропасти!
 Прошу тебе,
 Ратуй мене,
 Защити від напасти!
 Озьми своє ружжо страшне
 Та й стрельни в Уляну [...] (33),

в которых припоминается оружие — атрибут силы и власти москаля, вызывающий страх.

Второй раз Стецько пугается неожиданного для него крика. Когда Одарка наконец благословила Уляну и Алексия, Скорик воскликнул: «Ура! наша взяла!» (56). Стецько упрекает Скорика в том, что тот якобы не знает украинских обычаев и традиций: «Тю! на твою голову! Ще й весілля не було, а він вже і гука. От-така-то московська віра!» (56). Упрекает в незнании того, что, как это выяснится дальше, является предметом гордости отставного солдата.

Осип Скорик

А. И. Гончар считает, что образ Скорика появляется у Г. Квитки-Основьяненко как дань традиции. Уже в фольклоре часто встречался солдат — ловкий, бывалый, смелый. «Появление в сказке солдата, бывшего прохвоста, свободного от сельских страхов перед нечистой силой, готового и обдурить кого угодно, и помочь бедняку» исследователи относят к началу XVIII в. (см.: Гончар 1969:228–229).

Осип Скорик, один из главных героев произведения, настоящий москаль. Но по происхождению он малоросс. Это выясняется из ответа на вопрос Алексия, сформулированного на чистом украинском языке: «А відкіля ви?» — «Та відтіля, відкіля і ви ...» (30). Много лет тому назад Скорик попал в москаля «на наговоркам прикажчика» (32). Он «омоскалился, обрусел».

Образ отставного солдата в основном положителен, ведь он помогает влюбленным. Благодаря Скорика побеждает любовь. В то же время он содержит в себе разные, как отрицательные, так и положительные коннотации, связанные с москальством. Скорик хитер, он хвостун и обманщик, все время поучает всех, но службу считает делом святым:

«Я присяжной чалавек, абещал G[...] і довжон сдержать слово» (33); «(...) так я, брат, салдат і чесную душу імею» (30); «[...] я на то присягу принімаю, щоб стоять і у слові, і у делі, а назад не отдаваться» (34); «А вот как я хадил па паходам, так видал, што і у Франціі, і у Туреччині, і у Рассі за памещиками крепакам жит'ю доброе. Вот і Алексіев барин доброй, честная душа! А што меня у салдати атдали, так ета по наговоркам прикажчика. Так што ж? Паслужил богу і государю, пахадил па паходам, навідался свету і у Франціі, і у Німечине, і у Рассі, і у Туреччине; та і стал чалавек, та і горюшки мне мало-ста» (32).

С мыслью о добрых панах созвучна идея доброго государя-батюшки:

Ех! Што мне з тобой как з рекрутом гаварить! Ти военнаво артикула не знаеш і усьо здор пореш. Паслушай меня, я присяжной чалавек: я не мажу неправди гаварить. У казённых мужичков начальники, а у подданных памещики камандери, а усем галава батюшка гасударь. Ат ево миласти приказано усем нікаво не абіжать. У Алексеева барина людям жит'ю славнай, і у них усево довольно (54).

По мнению С. Ефремова, в этих словах проявляется «...чрезмерный роялизм Квитки» (Ефремов 1995: 340), консервативные, верноподданические воззрения писателя.

Вот как рассказывает Скорик историю своей службы в царской армии: «Из палявих, був у нехвалитах, а далі чистую палучил» (30). Он служил в пехоте (*палявий* обозначает искаженный вариант слова *полевой*, несущий строевую службу солдат), получил ранение (*нехвалит* — это искаженное, неправильно понятое и произнесенное слово *инвалид*), в результате чего был демобилизован («чистую получил»). Единственная возможность вернуться живым из москалей — это быть демобилизованным после ранения. Это происходит и с Костем, главным героем повести Г. Квитки-Основьяненко «Божі діти». Отслужил Кость пять лет и в бою с поляками потерял руку: «...служити вже ніяк не можна» (Квітка-Основ'яненко 1981: 373), получил он офицерский чин и вышел в отставку.

Осип Скорик появляется на сцене во втором действии оперы и начинается с того, что хвалит Харьков. Он нигде такого хорошего города не встречал:

Вот усьо Туреччину, Францію і Рассею прахадил, а нетуте такого приятного города! То-то Харьковская Русь-матушка! Та так усі нашаво брата поважують! (28).

Выражение *нашаво брата* использовано в значении храбрых и удалых солдат-москалей.

Правоту своего обобщенного суждения о солдатах-москалях Скорик доказывает тем, что приводит в пример себя. Он — представитель всеми уважаемых жителей харьковской матушки-Руси и хвастает тем, что без него ни одно событие — «Ні хрестини, ні свадьба» (28) не происходит: «...уж ніхто так парядка не дасть, как я. (...) Все закони знаю, аттаво і усе ка мне» (28). Причина этого также объясняется в форме обобщения, в котором москали противопоставляются мужикам, к которым «омоскалившийся» Скорик, считая себя выдавшим виды, много

знающим человеком, уже относится немного свысока: «*Так куди мужику протів нашої брата справиться-та...*» (28).

Определенная двойственность проявляется и в отношении малороссов к москалям в произведении «Сватання на Гончарівці», которая отражается в реакции не узнавшего при первой встрече своего дядюшку Алексия.

Занятый своими проблемами Алексей хотя и отдает должное москалю: кланяется и вежливо здоровается, однако делает это небрежно и без всякого уважения:

Алексій (оглянувшись, к нему). *Га?* (Кланяется небрежно.) *Здрастуйте, господа служивий!* (Без внимания оставляет его и идет к хате.) (29).

Согласившись стать старостой и посватать Уляну за Стецька, Скорик высказывает мысль о том, что и тут требуется обман «*Узять греха на душу, набольш брехать, как абнаковенно при сватанне...*» (31).

Мысль о том, что при сватанье без брехни не обойтись, в шуточной форме-обобщении встречается и в повести «Конотопська відьма»:

Далі хорунженко питав пана сотника, що куди його бог несе і зачим. Зараз наш Уласович і став брехати: тільки що ще задумаєш свататись, то й станеш зараз брехати, і що без брехні ні жоден чоловік не сватався (Квітка-Основ'яненко 1981: 133).

Свадебные обряды на Украине делились на три цикла: досвадебный, свадебный и послесвадебный. Первым элементом досвадебного цикла были «запити» — предварительная разведка родителей молодого парня про намерения родителей девушки. Вторым элементом было «сватання» — т.е. первая встреча представителей молодого парня с девушкой и ее родителями, организованная с целью достижения согласия на брак. Посредников-представителей молодого в Украине чаще всего называли *старостами*, хотя встречались и такие названия как *сват*, *посланець*, *сватач*, *говорун*. Так как успех предпринимательства зависел и от умения старост говорить, важно было выбрать для этой цели общительных, остроумных, опытных и всеми уважаемых женатых мужчин. Сватать обычно шли вечером, чтобы в случае отказа, по возможности, скрыть нежелаемый результат. Старосты входили в дом и после приветствия приступали к длинному традиционному поэтическому рассказу про охотников, которые напали на след куницы (или оленицы); либо про купцов, которые слышали про редкий товар и т.д. (см.: Українське народознавство 1997: 230–231).

Скорик, сватая Уляну согласно «закону», т.е. украинским народным традициям, начинает свой рассказ с того, что прибыли они издалека. Речь Скорика, о чем бы он ни говорил, сплошь пронизана ссылками на его москальский опыт. Он отдает приказы, постоянно обращается к военной терминологии. Комический эффект достигается благодаря тому, что вся эта лексика используется не к месту, часто вместе с ругательствами и приводит к нарушению стиля. Речь москалей

в произведениях Г. Квитки-Основьяненко обычно передается при помощи суржика, с характерным для русской речи аканьем и просторечным произношением, с коверканьем русских слов, смешанных с украинизмами, а также нарушением фонетических, морфологических и синтаксических правил обоих языков. Вот несколько примеров из речи Скорика:

— Девичья стыдливость не позволяет Уляне признаться Скорику в своей любви к Алексею: «*Я б і про себе сказала б вам, як я його люблю, так не годиться про се розказувати. Я тільки матері сказала, що люблю його дуже-дуже [...] А вам сього не скажу*». Скорик: «*Што ж матушка? Каково чорта вона ретирується-та?*» (32).

— Скорик решил уговорить Одарку отказаться от брака со Стецьком и обещает, если она будет упрямиться, прибегнуть к колдовству: «*А когда што не то, так ми і наговорною водицею попоштуем, татчас здається і думкою налево кругом!*» (33). Колдует Скорик совсем как солдат Лихой из малороссийской оперы И. Котляревского «Москаль-чарівник»: важничает, угрожает, произносит всякие бессмысленные слова и заставляет Одарку повторять. Возмущенной и нежелающей смириться с происшедшим Одарке Скорик сначала угрожает тем, что как только он скажет французское слово, она превратится в кобылу. Испугавшись Одарка хоть и притихла, однако благословить Уляну и Алексея всё еще отказывается. Скорик увещевает ее: «*Єта спаконвеку так, і закону переменить не можно*» (54): кому дали косынку, тот жених, а кому поднесли тыкву (т.е. традиционный знак отказа жениху), тот должен смириться со своей участью. Нарушение «закона» — смертельный грех, который приведет к тому, что «*на скатину падьож будет*» (54). Для простых крестьян эта угроза страшная, но Одарка не пугается: у них уже и скота нет, муж все пропил. У хитрого москаля готов ответ и на это: «*А миру хрестьянскаво не жалеси? А што тогда скажеш, как у всьом светі навиздыхаст скатина. Так што тебе тагда будет?*» (54). Скорик объясняет суеверной Одарке, что на нее порчу «наслано» и обещает спасти ее. Вот как это делается: «*Тепер, Одаріє, лий у миску воду та приговорюй французское слово голосно: плюх, плюх, плюх*» (55). Установив, что «насилка» злая, Скорик поет:

Тара, бара, мара, деларжан!
Пуру, буру, туру, акерман!
Бендер, кардаш,
Дюпень, мар'яж,
Йок пшик, йок пшик (55–56).

После этого «колдун» топит свечку в воде и провозглашает:

Банжур, мадам Одаріє, снято! (56).

— В кульминационной сцене оперы, когда платок, преподнесенный Уляной берет Алексей, а Стецьку достается тыква — постыдный

знак отказа, Скорик, видя ярость Одарки, старается успокоить ее: «Трррр! трррр! трррр! настоящий батальной огонь. Теперь пайдьом у сикурс на штики» (53).

— Прибыв в дом к невесте Скорик дает указания своему напарнику и Стецьку: «(тихо Тымишу). *Ти ж, товаришу, как у паходах не бувал, света не видал и нечаво не знаєш, так у речах не суйся за умілими, а ожидай команды да только поддакуй. Вот і увесь пароль.* (Стецьку тихо.) *Та сніми ж шапку, новобранець! Упервой раз во фронтє»* (47).

Традиционный рассказ-сказка старост во время сватанья Скорик начинает с того, что прибыли они: «*Кали слыхали, аж з Франції»* (48). Таким образом традиционный рассказ видоизменяется, в него попадают реальные элементы, взятые из жизни героев оперы. Устами слабоумного Стецька, временами высказывающего наиболее здравые в произведении суждения, формулируется вывод, перенесенный из сказочной плоскости в реальную. Стецько поправляет Осипа: «*Вже й видно москаль, зараз і збрехав. Ми притьмом з за-Харкова»* (48). В дальнейшем в рассказе Скорика, вобравшего в себя военную терминологию, искаженные неграмотные словоформы, сказочные элементы, цифровую символику, пословицы и поговорки, написанного ритмизированной прозой, эти две плоскости переплетаются:

А вот з нами какавя гисторія, просимо паслухатъ. Раз у прошлом у годі були ми у паході, у диком народі. Семдесят городов разорили, тридцать полонили, а один траншеями осадили. А у евтом городі как раз сидел вот евтот (указав на Стецька) дикой князь. Войско его штурмуєт, а он знай сабе бунтуєт, паднімаєт у гору плечі і гаворит такий речі: з городом вам атдамся за всем, толькі патеште меня тем, оддайте міне али птицю, али чорную куніцю, али красную дівіцу, какую у вас ізберу і до себя приведу. Генерал нас призвал, такий речі і сказал: ти, Осип Скорик, па всему свету пабувал, усю Туреччину ізхадил і в Рассею захадил, ти з ним пайди і в Німецію зайди: ішіте таково дива, шукайте, і как найдьош, ему аддавайте. Вот ми как пашли, тридцать гасударств прашли, а такова дива не нашли. Я, було, у ретираду астался, так наш дикой князь затылся; усю ішли, ішли, і учора у стот город, — как завьотца, не знаєм, — пришли; тут разом пала нам пороша... Стецько (все слушал со вниманием). Бов-бов-бов! То по москалевій брехнш звонять! Яка літом пороша? (48–49).

Умному дураку Стецьку снова удалось поймать москаля на лжи. Стецько не разбирается в военном деле, но как только речь заходит о временах года, — а это в жизни обрабатывающих землю людей это важный аспект, — он уличает москаля во лжи.

Скорик (к нему с большим сердцем). Малчи, шпийон! Не даст закону сполнить. Стецько (тихо). Дарма, бреші, бреші; до чого-то воно дійдеться. Скорик. Вот как пала пороша, і на пароші след увидали і слідіть сталі. Наш дикой князь татчас по следу взнал і как апеченой закричал: вот мая ні птиця, ні чорная куніця, а красная дівіця. Пайдьом ейо ськатъ і на нейо пароль узять. Вот ми па следу і пайшли, і да вашово дому прийшли. Тепер ми себе розсуждаєм: певно, наша ні птиця, ні куніця, а красная дівіця у вас у хагі, тут ейо і палучить желаєм. А па евтой мові будьте усе здарови. Нашому слову канецъ, а ви дайте делу вінецъ (49).

Удивляясь такому обороту рассказа, Стецько делает вывод, в котором особо подчеркивается хитрость, лукавство обманщика-москаля: «*Бач, куди карлючка закандзюбись! Не з чорта хитрий і москаль!*» (49). Наиболее отрицательное суждение о москалях, содержащее в себе даже угрозу (совсем как в пословице из малороссийской оперы «Москаль-чарівник» И. Котляревского [1969: 306]: «...з москалем знайся, а камень за пазухою держи...»), формулируется также устами Стецька. Когда Скорик завещает Алексею пятьдесят целковых, Стецько, именуя Скорика чертовым москалем, грозитя упрянуть его в гроб: «*Якби мені гроші віддав, я б тебе, урагового москаля, сьогодні у домовину*» (56).

Проблематика языка в произведении отражается не только в речевой характеристике героя. Говоря про другие страны, Скорик выделяет главное: у них, все не как у нас. Причем «у нас» — это Украина.

Ссылаясь на то, что он повидал свет, Скорик тринадцать раз принимается перечислять страны, в которых он побывал, слегка варьируя их последовательность в перечислении. Наряду с Германией, Францией и Турцией, всегда отмечается и Россия.

Чаще всего Скорик вспоминает Францию, объяснением чего можно считать распространение французского языка и французской культуры в России XIX столетия. В «Письмах Фалалея (позже Фалурдена) Повинухина», в которых Г. Квитка-Основьяненко «особое внимание уделяет раскрытию „галломании“ русского и украинского дворянства» (Чалий 1961: 221), писатель уже в начале своей литературной деятельности высмеивал ограниченность провинциальных помещиков, их слепую пристрасть ко всему иностранному, глупую погоню за модой, предполагавшую в том числе и наличие учителя-француза в доме. Во втором письме придурковатый помещик Фалалей Повинухин (имя Фалалей в русской сатирической литературе XVIII в. использовалось в символическом значении невежества и тупости) пишет о своей четырнадцатилетней приемной дочери:

Но вот что сокрушает мою жену: и н о с т р а н н о г о-то она еще ничего не знает; хоть бы болтать немного приучилась. Ну что с нею без того? Вывезем в люди, а она будет пень пнем! [...] потрудитесь чрез ваш «Вестник» известить, что нужен-де к такому-то иностранец — учить дитя по-французски. А вот вам и след: к нам на квартиру в Харькове приносил хлебы продавать один иностранец, и, кажется, француз. Потрудитесь отыскать его и поговорить с ним, не согласится ли он? Вот кондиции: жалованья в год от 500 до 1000; стол, чай и проч., все с нами; одевать будем, как прилично; особая комната, прислуга и экипаж — куда и когда захочет. Должность его: Дуняшу в два года выучить болтать хотя употребительные в публике слова; до правильного выговора дела нет — в свете понатрется. Когда г. мсье может учить читать — то хорошо; а когда нет — то и не нужно. Булочницу моей жены выучить по-своему печь хлебы; по вечерам с женою раскладывать г р а н д у а п а с ь о н. А в пользу мою только и прошу, чтоб псаря Яшку поучил, как запаривать корм собакам: француз должен все знать... (305).

Иностранное в произведении «Сватання на Гончарівці» равнозначно далекому и таинственному, привлекательному и отпугивающему, вы-

зываюцему с одной стороны уважение, а с другой — презрительное разочарование: «все не как у нас».

Оттого, что в Германии живут одни немцы, а в Турции — только турки, Скорику аж грустно. В оценке языка иностранцев наблюдается следующая градация: сначала просто говорится, что у них иначе называется, потом уже оказывается, что они не умеют как следует сказать, а вывод таков, что ничего умного у них и спрашивать не стоит:

Там, брат, усьо не так, как у нас. Прийдьош у Францію, так там усьо француз нагало; а у Німеції — другой народ, немец до единого, а уж нашаво і не спрашуй; у Туреччину прийди, так куда ні абернись, усьо турки, усьо турки; аж сумно! А во всякой землі гаворят не по-нашому. А как? вот видиш, я тебе і єто разталкую. Вот у нас, примером сказать, хлеб; вот і я, і ти, і усяк знает, што то хлеб, а у них так іначе завьотся. Алі вот і вода: ну, малая дитина у нас назавьот воду водою, у них — так і не вмєют так назвать. Умново в них нічаво не спрашуй, усьо па-своему і савсем не так, как у нас (30–31).

Перед Уляной Скорик хвастает, что он знает языки всех стран:

Ах, ти, девушка, девушка! Повези тебя у Францію, так би там тебя назвали мамзель; а у Туреччині — марушка, а у Расеї — девушка-зазнобушка! Я усе їх язики знаю (32).

Однако языки он знает настолько же, насколько культуру и обычаи. Атрибуты украинских народных традиций переносятся им в культуру других стран. В хвастливой песенке Скорика встречается «дружка» и «рушник», а во время колдовства с бедной запуганной Одаркой он вспоминает «каравай»:

Уж не даром ми хадили,
Скрозь в паходах ізследили,
Знаю, знаю весь обряд,
Дело всьо звезду на лад.
Бул у немцов на родинах
І у турков на хрестинах,
У французов бил дружком,
Там хадил я с рушником (33).

Итак, образ москаля в малороссийской опере «Сватання на Гончарівці», вырисовывается как на основе нераскрытых в произведении, обобщенных суждений, так и более детально раскрытых мотивов. К первым относятся замечания по поводу беды, постигшей малороссов из-за москалей-постояльцев; страшного наказания, равнозначного смерти, когда малоросса отдают или он сам, находясь в безвыходной ситуации, уходит в москаля; тема совращения девушки-украинки москалем; а также страх малороссов перед москалями, представителями власти. Более полно в произведении раскрыт мотив обмана малороссов москалями. Обман в кабаках, связан со стремлением обдурить, поживиться за чужой счет, что, в конечном счете, приводит к нанесению вреда. В образе отставного солдата Осипа Скорика, омоскалившегося малоросса, мотив обмана служит стремлению доказать свое превосходство над мужиками. Поводом для чувства превосходства является воен-

ная служба, которую Скорик считает святым делом. В образе Скорика Г. Квитка-Основаєненко раскрывает также галломанию современного ему дворянства.

Литература

- Воропай О.* Звичаї нашого народу. Київ 1993.
Гончар О.І. Григорій Квітка-Основаєненко. Київ 1969.
Гулак-Артемівський П. П. Твори. Київ 1978.
Єфремов С. Історія українського письменства. Київ 1995.
Квітка-Основаєненко Г. Ф. Зібрання творів у семи томах, 2. Драматичні твори. Рання проза. Київ 1979; 3. Прозові твори. Київ 1981.
Котляревський І. Повне зібрання творів. Київ 1969.
Лада Й. Картинки походження бравого солдата Швейка. По роману Ярослава Гашека. Прага 1962.
Вовчок Марко. Твори в семи томах, 1. Київ 1964.
Нечуй-Левицький І. Твори в двох томах, 1. Київ 1977.
Січинський В.: Чужинці про Україну. Київ 1992.
Українське народознавство. Ред.: С. П. Павлюк, Г. Й. Горинь, Р.Ф. Кирчів. Львів 1997.
Чалий Д. В.: Перший прозаїк нової української літератури. В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури, 2. Київ 1961.
Шевченко Т. Г. Кобзар. Київ 1986.